

И И

К 50-летию Театра оперы и балета
имени М. Ф. Ахундова

«МЫ УВИДЕЛИ СВЕТ!..»

ОБРАЩАЯСЬ к полувековому прошлому нашего театра, ко дню первой постановки—премьеры оперы «Лейли и Меджнун», я прежде всего вспоминаю то неизгладимое впечатление, которое оставил у меня неповторимый создатель романтического образа Меджнуна — Гусейн Кули Сарабский.

Я тогда не мог даже предположить, что в этот день открывалась новая эра в развитии оперного искусства азербайджанского народа, что в этот день Узеир Гаджибеков закладывал основы нашего оперного театра, что в этот день начиналась блистательная на протяжении десятилетий деятельность выдающегося артиста Гусейн Кули Сарабского. Не мог я думать, что с этого дня решена и моя судьба.

Игра Сарабского произвела на меня такое потрясающее, неизгладимое впечатление, возбудила во мне такой наплыв чувств, стремлений, что с этого дня я не мог мыслить свою жизнь без театра.

И сейчас я с благодарностью вспоминаю, что с первых же моих шагов на театральном поприще я был окружен вниманием и заботой старших товарищей—Узеира Гаджибекова, Гусейн Кули Сарабского, Зульфугара Гаджибекова, моего учителя по школе Ханафи Терегулова и позже Муслима Магомаева.

Мне вспоминаются те времена, когда Узеир Гаджибеков сам занимался подготовкой нас, молодых актеров, к исполнению отдельных партий. В 1915 году, когда женские роли еще исполнялись мужчинами, я впервые выступил в роли Асли в опере «Асли и Керем», и с этого времени, вплоть до 1923 года, стал неизменным исполнителем всех женских партий во всех операх и опереттах Уз. Гаджибекова, З. Гаджибекова и М. Магомаева. В силу этого я стал и бессменным партнером Г. К. Сарабского—первого исполнителя всех главных ролей азербайджанских опер и оперетт.

В те годы Г. К. Сарабский уже был признанным артистом — люби-

мым певцом своего народа. Характерной особенностью, отличавшей его от многих других артистов, было прежде всего умение добиться глубокого слияния богатейшего внутреннего содержания образов с яркой внешней выразительностью сценического решения. Мастерство перевоплощения, высокая эмоциональность игры были органически присущи его творчеству.

Импровизируя мугамы, в отличие от вековой традиции их исполнения, он умел выявлять необходимые для создания сценического образа фрагменты, тонко переплетая их новыми мелодиями, заимствованными в народном мелосе, превосходно ему известном.

Глубокий, бархатного тембра голос и яркое сценическое мастерство Сарабского неизменно пленяли слушателей. Этот крупнейший мастер сцены создал за свою долгую творческую жизнь образы, которые и до сего времени живы в памяти тех, кому хоть раз посчастливилось увидеть его на сцене.

В волнующие дни юбилея нашего театра я вспоминаю, как радовался Сарабский установлению Советской власти в Азербайджане. Ведь больше половины его жизни прошло в тяжелые дореволюционные годы, когда артистов всячески преследовали и власти и религиозные мракобесы.

Помнится, утром 28 апреля по дороге в театр я встретил Али Гейдара Карасева, Дадаша Буннат-заде и Гусейн Кули Сарабского с красными повязками на руках. Сарабский, обняв меня, воскликнул: «Гусейн Ага! Наконец-то, мы увидели свет! Ты моложе меня и тебе посчастливится больше, чем мне, взглянуть на новую жизнь!»

Да, только после счастливого дня 28 апреля 1920 года, когда волею трудящихся масс была установлена Советская власть в Азербайджане, начался стремительный расцвет искусства нашего народа.

В первые же советские годы в театр влились новые творческие силы. Мы сразу же ощутили благотворнейшее влияние партии и правительства на развитие искусства, нужного, как хлеб, народу. Мы ощутили и радостное чувство близости к людям—нашим слушателям—рабочим нефтяных промыслов и заводов, учащимся рабфаков, колхозникам. Это был новый зритель—благодарный, требовательный, справедливый. Теперь звание артиста было окружено почетом. Народ высоко оценил талант таких выдающихся мастеров, как Гусейн Кули Сарабский, Исмаил Илизтаде, Аббас Мирза Шарифов и многие другие.

И вот в эти дни, когда общественность нашей республики празднует 50-летие своего славного орденоносного Театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова, мне хочется сказать: Да, Сарабский был прав—мы увидели свет, мы переживаем счастливые дни. И больше всего я рад тому, что из пятидесятилетней истории нашего театра 38 лет приходится на самый светлый период жизни моего народа, на период расцвета азербайджанской театральной культуры, на период, когда все таланты и дарования получали наилучшие возможности для своего развития.

Г. ГАДЖИБАБЕКОВ,
народный артист Азербайджанской ССР.

Г. К. Сарабский в роли Меджнуна.
1908 г.